

рии, как еда, питье, прогулки, игры и пр. (Витгенштейн, 1953, 12). Речь целенаправлена, как и всякая деятельность. Язык есть игра, а отдельное высказывание представляет собой ход в этой игре, отвечающей определенным конвенциональным правилам. Язык и действие связываются в языковой игре (language — game) воедино (Витгенштейн, 1953, 12).

Вслед за Л. Витгенштейном Дж. Остин утверждал тождество или во всяком случае единство слова и дела. «To say is to do something» — «Сказать — значит сделать что-либо», — писал он (Остин, 1962, 12). Речевой акт сводится к совершению следующих действий: а) издать членораздельные звуки, относящиеся к определенному языковому коду; б) произнести некоторое высказывание, состоящее из слов данного языка и построенное в соответствии с правилами его грамматики; в) придать высказыванию определенное значение; г) внести в речение (locution) «иллокутивные силы» (illocutionary forces), т. е. превратить речение в иллокутивный акт, в выражение авторских намерений; д) превратить речение в орудие воздействия на мысли, чувства и поступки адресата, т. е. придать ему перлокутивную функцию. Действия (а) — (в) составляют локутивный акт, действие (г) представляет собой иллокутивный акт, действие (д) — перлокутивный акт.

Особо были выделены перформативные высказывания, содержащие сообщения о коммуникативных действиях самого говорящего. Они необходимо включают в себя в познании субъекта форму 1-го лица и, по крайней мере имплицитно, прямое или косвенное дополнение в форме 2-го лица. Обычной является форма презенса индикатива актива. Ср., например: Ich bitte um Entschuldigung; Ich heiÙe Sie willkommen; Ich rate Ihnen, das zu tun. — Я прошу прощения; Я приветствую Вас; Я советую Вам сделать это (Бубнер, 1968, 140).

Рассматривая говорение как один из видов человеческой деятельности, как языковую игру, оксфордцы акцентируют как целенаправленность, так и намеренность, интенциональность коммуникативных актов (см. Вундерлих, 1972; Лейст, 1972). Дж. Сирль предложил различать регулирующие и создающие правила. Первые вводят в определенное русло уже существующие до правил и независимо от них формы поведения (ср. формы этикета). Вторые создают новые формы поведения (например, правила любой игры) (Сирль, 1974, 33—38). В речевом акте Дж. Сирль различает: 1) произнесение высказывания (utterance act); 2) пропозициональный акт, включающий в себя референцию и предикацию; 3) иллокутивный акт, т. е. реализацию коммуникативного намерения.

В итоге иначе стала трактоваться природа языка и речи, значения. Н. Д. Арутюнова следующим образом резюмирует достижения оксфордской школы:

1. Основные языковые категории стали интерпретироваться в связи с явлениями речи, т. е. с учетом речевой ситуации и ее участников; иначе говоря, снизился уровень абстракции исследования, произошло своего рода обращение к «речевой целине».

2. Учет прагматической стороны вызвал расщепление основных языковых понятий на две разновидности, одна из которых стала определяться по отношению к говорящему субъекту, а другая — к адресату речи. В дефиниции категорий, соотносимых с говорящим, вносится указание на коммуникативное намерение. Процесс же восприятия речи трактуется как узнавание этого намерения.

3. Предметом изучения стало прежде всего значение реализованных единиц — словоупотребления (а не слова), речевого акта (а не пропозиции).

4. Обострился интерес к подтексту, вторичным, побочным, косвенным аспектам значения речевого акта (см. Арутюнова², 1976).

Одним из следствий такого поворота была субъективизация и психологизация понятийного аппарата (Арутюнова¹, 1976, 41). Были ото-